

М.Р. НЕНАРОКОВА
(Москва)

**СВЯТОЙ ГЕОРГИЙ ПОБЕДОНОСЕЦ В ЛАТИНСКОЙ ГИМНОГРАФИИ X-XVI ВВ.
(ОТ АРЕТОЛОГИИ К АГИОБИОГРАФИИ).**

Рассматриваются образ св. Георгия в средневековой латинской гимнографии и особенности его описания в VII-X и XI-XV вв.

Ключевые слова: гимнография, житие, святой Георгий Победоносец.

Святой Георгий Победоносец – один из самых известных святых христианского мира. Почитаются он и мусульманами. Как известно, св. Георгий пострадал в 303 г. Судя по всему, именно византийская агиографическая традиция была источником сведений о св. великомученике для всего остального христианского мира.

Церковное почитание св. Георгия началось очень рано. Свидетельством тому являются «Мартирологии», тексты наподобие церковных календарей, в которых расписывались дни поминовения всех святых в течение литургического года, а также приводились краткие сведения о святых. Одно из ранних упоминаний относится к концу IV – началу V вв. В «Мартирологии», приписывавшемся св. Иерониму Стридонскому (342-419/420), в рубрике, обозначенной «9-ые календы Мая» [19], перечислены имена двадцати восьми мучеников, пострадавших в этот день, но св. Георгий выделен особо: «и воспоминание мученика Георгия» [Там же]. Литургическая книга «Книга спутника» [Там же], соответствующая синаксарям, указывает, что на праздник св. Георгия читались тексты из Книги Иисуса сына Сирахова: «Честь и слава в речи разумника» (перевод автора статьи) (5:15), «дела людей по намерениям их» (ср. 35:21), и из Евангелия от Матфея: «Иисус сказал ученикам Своим» (Мф. 16:24), «нет ничего сокровенного, что не открылось бы» (Мф. 10:26), «пред Отцем Моим Небесным» (Мф. 10:33).

Свидетельство о том, что служба св. Георгию торжественно отправлялась в VI в., находим в богослужебных трудах, которые традиция приписывает св. Григорию Великому. В «Сакраментарии» указываются молитвы, включаемые в праздничную службу, в которых не только упоминается сам святой, но и его подвиг, например: «Весьма достойно и праведно есть, справедливо и спасительно нам Тебе всегда и повсюду благодарение возносить, Святый Господи, Отче Всемогущий, [Пре]вечный Боже, чрез Христа Господа нашего: ради Имени Которого досточтимым исповедничеством блаженный мученик Георгий различные мучения претерпел и, совершенно победив их, удостоился венца вечности» [19]. Даже молитва помогала средневековому христианину представить себе образ святого: это мученик, много пострадавший за Христа.

Уже Григорий Турский (ок. 538–594) в своих «Книгах чудес» упоминает о множестве чудес, совершенных у частицы мощей святого, которая была перенесена в Галлию, в диоцезу Ле-Манс: «слепые, хромы, страдающие от лихорадки и прочие немощные часто там вознаграждаются благодатью здоровья» [Там же]. Однако, вспоминая св. Георгия на его празднике, раннесредневековые христиане в первую очередь обращались к его мученичеству, а не к чудесам, им совершенным. Так, св. Григорий Великий в одной из молитв службы св. Георгию обращается к Господу Христу, «ради досточтимого исповедания Имени Которого блаженный мученик Георгий вынес различные мучения и, одолев их, оказался достоин венца вечности» [Там же]. В одном из ранних «Мартирологиев», а именно: у Беды Досточтимого, приводится краткая версия «Жития св. Георгия»: «он в правление Датиана, весьма могущественного царя персов, который владычествовал над семидесятью царями, просиял многими чудесами и многих обратил ко Христовой вере, вместе с [ними] и Александру, жену самого Датиана укреплял вплоть до [ее] мученичества; сам же, наконец обезглавленный, исполнил [долг] мученичества; хотя деяния его страдания включаются в число апокрифических писаний» [Там же]. Этот текст важен

по двум причинам. Во-первых, он с небольшими изменениями и сокращениями повторяется авторами других «Мартирологиев» - Рабаном Мавром [Там же], Адоном Вьеннским [Там же], Узуардом Сен-Жерменским [Там же], Ноткером Заикой [Там же], т. е. он сформировал традицию восприятия святого в текстах этого жанра в раннее средневековье. Во-вторых, Беда указывает как на многочисленные чудеса, совершенные св. Георгием, так и на существование апокрифических текстов о мученичестве святого.

Значимость праздника св.Георгия на Западе в средние века была очень высокой. С XIII в. он относился к категории «semiduplex», то есть второй по значимости после Рождества и Пасхи [2, с. 679]. Констанцкий собор 1415 г. перевел этот праздник в категорию «duplex», то есть приравнял его к главнейшим христианским праздникам. Таково, например, было значение дня св.Георгия для англичан с 1415 по 1778 гг [Там же]. Столь же пышно проходил этот праздник в местах, где хранились частицы мощей святого: в Ферраре, Венеции, Генуе, Барселоне [Там же].

Церковные службы не обходились без пения. Песнопения, включавшиеся в праздничную службу, кроме прославления святого, имели еще и просветительскую функцию. Стихотворный текст имеет, как известно, свои законы: речь делится на небольшие, более-менее равные отрезки, разграничивающиеся паузами, ее отличают особый ритм и симметричность построения. Подобные черты вынуждают поэтов писать кратко, выбирать для описания наиболее яркие факты. Именно ритмичность, краткость и яркость помогают запоминанию текста, что бывает особенно важно в случае, когда речь идет о святом, который становится примером, путеводной звездой в жизни верующих.

Почитание св. Георгия естественным образом выливалось в церковные песнопения – секвенции и гимны. От периода Раннего Средневековья сохранилось всего три песнопения о св. Георгии, датированные XI в., но это не значит, что праздник святого обходился без пения. Западная церковная практика знает песнопения общего характера, которые пели святому, в данном случае мученику, подставляя его имя в нужные места. При том что с XII в. почитание св.Георгия возросло, поскольку сформировалось и укрепилось рыцарство, считавшее святого своим покровителем, к XII-XIV вв. относится всего шесть песнопений. Однако когда, как уже говорилось, праздник перешел в категорию «duplex», ситуация резко изменилась. Из сорока двух текстов, зафиксированных в издании «Analecta Hymnica» двадцать один написан в XV в., причем возникли они в самых разных местах Европы: в Германии (Северная Бавария [7, с. 165], Северная Вестфалия [Там же, с. 166], Южная Бавария [6, с. 143]), Швейцарии (Ситтен, или Сион, столица кантона Валэ [9, с. 144]; монастырь Санкт-Галлен [6, 144]), Франции (Париж [9, 143], Южная Франция [Там же, с. 145], Северная Франция [12, с. 147], Бургундия [Там же]), Италии (Модена [10, с. 113], Венеция [Там же]), Англии (Лондон [16, с. 170], Оксфорд [5, с. 188]). XVI в. дал еще восемь песнопений, которые были созданы, в основном, в католических странах – Испании, Италии, Франции, Австрии. Если от периода с X по XV в., когда праздник св. Георгия был приравнен по значению к основным главным праздникам, таким, как Рождество и Пасха, сохранилось девять песнопений, то один лишь XV в. дал их двадцать.

Материал для написания песнопений разных жанров предоставляли жития, и в случае св. Георгия была одна интересная особенность. Св. великомученик пострадал в Диоклетиановы гонения, и первое его житие должно было относиться к типу «аретологий» (от грч. arethg – доблесть, добродетель, соответствующие в латыни «virtus»). Характерными чертами аретологии являются пренебрежение биографическими деталями, акцент на описании чудес и подвигов святого, отсутствие сюжетной связи между отдельными эпизодами повествования [17, с. 247]. Иными словами, центром первых житий святого должно было быть его мученичество и казнь. С течением времени, когда гонения кончились, поскольку христианская вера распространилась повсеместно, аретологию сменила агиобиография. Этот тип жития подразумевает обращение автора произведения к реальным фактам из жизни святого, поэтому повествование строится с учетом временного фактора. Задача агиографа состоит в то, чтобы показать читателю жизнь святого «под увеличительным стеклом св. Писания, чтобы представить более ясно богословское значение происходящего» [20, с. 97], увидеть, как «в земной жизни святых отразилась жизнь Христа, проявившаяся в знамениях и чудесах» [Там же, с. 88]. Агиобиография строится по при-

нцию похвалы; в ней необходимо описать так называемые «три возраста»: детство и юность, когда святой формировался, как личность, зрелость – время подвигов, конец жизни с посмертной славой. Агиографы, а вслед за ними и гимнографы, встали перед проблемой: как описать земную жизнь мученика, если практически все, что о нем известно, это время его мученичества и посмертные чудеса.

Самые ранние песнопения, которые оказались зафиксированными в монументальном издании «*Analecta Hymnica medii aevi*» (букв. «Песенные остатки Средневековья»), относятся к X-XI векам. Это две секвенции и гимн. Секвенция «Благодатный двойным день воспойте мелодиями» происходит из Мюнхена. В ней в обобщенном виде акцент сделан на описании гонений (строфы 3a-5b). Собственно подвигу святого посвящены вводные (2a-2b) и последние строфы (6a-6b, 7). Гимн «На праздник столь великого мученика» найден в рукописи X/XI в., происходящей из юго-западной Баварии, из Южной Германии. Однако сам гимн был составлен в знаменитом в свое время монастыре св.Георгия, основанном в Хохентвиле на Рейне в конце 10 в., где хранилась частица мощей святого («священные мощи» [15, с. 180]). В гимне ничего не говорится о конкретных событиях, ставших причиной восхваления св.великомученика; его просто прославляют: «Христов атлет отважный» [Там же], «величайший из соревновавшихся за награду» [Там же]. Не только Германия и монахи Хохентвиля его хвалят: «В трех частях света и в четырех климатах Вплоть до неба хвалами возводится Георгий» [Там же]. Весь мир просит, чтобы святой стал его «благодарный покровитель» [Там же].

Наиболее интересным из ранних песнопений является секвенция «День святого Георгия...», происходящая с севера Италии, из Верано (XI в.). В ней описывается один эпизод из жития св.Георгия – ночь, проведенная святым в темнице во время мучений. Оно представлено, как сцена из литургической драмы. Начинается действие внезапно с обращения Господа к Георгию: «Иди, отрок Мой возлюбленный, с венцом возвысь в славе, Георгий, Я есмь Бог твой» [11, с. 176]. Св. Георгий, «настойчиво молясь и прося» [Там же], смотрит вверх и произносит в ответ исповедание веры: «Ты, Кто дал твердое упование слугам Твоим, Великий, Ибо я помню заповеди Твои, Господи, Ты да исторгнешь меня из страдания, в которое погрузят [букв. окружают] меня, и приведи меня в блистающую славу; Ярость тех весьма злых [есть] змеиный яд, и восстают готовые зло» [Там же]. И Господь, вновь ободряет мученика: «Не бойся всех родов мучений» [Там же].

Если раннее Средневековье вдохновлялось аретологией, то с XII в. в гимнографии появляются попытки создать агиобиографию св.Георгия. Поскольку гимнографы позднего Средневековья стремились описать личность святого в развитии, показать, что к своему последнему подвигу св. Георгий был подготовлен всей своей жизнью, они использовали все известные им факты, которых было немного. Так, в агиобиографии необходимо было упомянуть о родине святого. В гимне «Здравствуй, праздничный день...» (15 в.) говорится: «Он родился в Капподокии» [5, с. 188]. В византийской агиографической традиции известны имена родителей св.Георгия – Геронтий и Полихрония, сообщаются некоторые сведения о его семье, но, хотя латинские жития, особенно ранние, являются переводами с греческого, на Западе эти детали, видимо, не были известны. О семье св.Георгия говорится в общих чертах: «Род знатный произвел/ Вождя Капподокии» [8, с. 142] (XIII–XV вв.). Упоминается не только родина, но и место мученичества: «Была некогда Мелитена/ Городом заблуждения, источником зла/ Для царства Капподокии» [14, с. 136].

Из житий известно также, что, похоронив мать-христианку во время гонений, св.Георгий раздал все имение нищим и вышел на мучение. В одном из гимнов XIV в. «Прославленного мученика удивительные чудеса...» этот момент описывается: «Презрев идолов, неимущим разделил этот благородный воин все, что имел, После того пожелал как беднейший следовать за Христом, вождем [букв. полководцем] мира» [9, с. 146].

Однако эти эпизоды нечасты. Большинство песнопений излагает историю св.Георгия по следующему плану: «чудо, совершенное в юности (победа над драконом) – чудеса, совершенные во время мученичества (чаще всего, обращение народа ко Христу; частный, но самый заметный случай – обращение царицы Александры) – казнь – переход в Небесное Царство».

Самой развитой частью песнопений остается описание последнего периода жизни св.Георгия, охватывающего, по одним источникам, несколько (семь) дней, по другим, апокрифическим, семь лет. Обычно в той части гимна или секвенции, где описывается мученичество св.Георгия, мы видим двух героев – положительного и отрицательного, противопоставленных друг другу: это св.Георгий и Дациан. Вот как в одной из секвенций («Воспой, язык, славного [мученика]» XIII–XV вв.) описывается нечестивый правитель: «Некогда Дациан, разъяренный рвением к идолослужению, обнаружил, сколь он нечестив и какую [имеет] злобу, сколь жесток, сколь безумен, сколь полон вероломства» [8, с. 142]. О св.Георгии говорится на первый взгляд более скупое: «Праведник более оправдывается, когда его бьют бичами, когда железом [его] скребут, более славным/блестящим делается, чтобы вино получить, виноград давят [в точиле]» [Там же]. Однако гимнограф рассчитывал на те ассоциации, которые может вызвать образ винограда в точиле. В трактате Рабана Мавра «Объяснения на Послания Блаж.Павла» говорится: «Ибо как в винограднике виноградная гроздь долго идет до точила, и сперва необходимо, чтобы лоза дала новые побеги, обнадружила цветением, далее, чтобы, отцветая, будущий виноград получил видимую форму, и, понемногу наливаясь, произвел гроздь, чтобы она, выжатая в давяльне, источила сладкое молодое вино; таково и преуспевание и в обучении отдельным блаженствам: как некто услышал слово Божие, как принял в себя, как во чреве души его оно возрастает, и до рождения доходит, и когда произведет на свет, вскормит и воспитает, и чрез младенчество, отрочество, юность, молодость к [состоянию] совершенного мужа приведет» [19].

Кроме главных героев, появляются действующие лица второго плана, обратившиеся в христианство, видя мученичество св.Георгия, – чаще всего, жена Дациана Александра, также ставшая мученицей, некий волхв, который должен был отравить святого, народ, находившийся на месте мученичества, даже усопшие, которые воскресли, чтобы принять крещение, и снова возвратились в свои могилы. Святой совершает различные чудеса, наиболее частое из которых – разрушение идольского капища: «Языческие храмы с алтарями и гнусными идолами падают благодаря Георгию» [12, с. 146].

Интересной чертой поздних песнопений является частое введение прямой речи. В отличие от упоминавшейся выше секвенции XI в., где приводится обращение Господа к св. Георгию, ответ святого и ободрение свыше, позднесредневековые гимны и секвенции содержат исповедание веры святого, его речь, рассчитанную на обширную аудиторию, которую еще надо просвещать. Например: «Бесы суть все языческие боги, Бог Один Всемогуший, Который создал землю, звезды [то есть небо], море» [5, с. 188], или более пространное: «Дациан, я христианин, что безумствуешь царь нечестивый, поклоняясь идолам, я произношу слова Христианской веры не вздорные, я почитаю Одного Истинного Бога, Ему Одному служу, [Кто] правит землей, морем, небом, Кого я желаю видеть, Кого почитаю без обмана всем стремлением сердца» [8, с. 143].

Конечно, во всех песнопениях с разной степенью подробности описываются пытки, которым нечестивый тиран подверг мученика, например: «Он властителем Дацианом растянут на дыбе, терзаем [железными] когтями, обжигаем [раскаленными] кирпичами, послан в глубины темницы, после этого, на медное колесо положенный, изрублен (из другой секвенции известно, что на колесе были укреплены ножи), но пребыл невредимым. Потом борец Господень бесстрашный сосуд с расплавленным свинцом бросился и, веселый, предался отдыху» [6, с. 144].

Стремление позднесредневековых гимнографов сделать из аретологии агиобиографию, создать житие святого, отвечающее требованиям их времени, отразилось в гимне «Христос, Искупитель всех...» (XV в.): «Он спас дочь царскую из пасти дракона, обратив [ее] мать Александру кровью Крещения, гордого и могущественного [мужа] одолев, Каковую [царицу] подбодрил [словом] о награде, ей же Небеса открывая» [9, с. 145].

Вплоть до XI в. «чудо о змие» не выделяется среди чудес, совершенных святым. Как и его предшественники, Петр Дамиани (1006/1007 – 1072) в своей проповеди на праздник святого говорит только о противостоянии св.Георгия и Дациана и о мучениях, которые претерпел святой [19]. Именно в это время начало увеличиваться почитание святого. Этому способствуют два фактора. Появляется новая

социальная группа со своей обособленной культурой и мировоззрением, – рыцарство [4, с. 6]. В песнопениях XIV–XVI вв. наряду с тем, что св. Георгий претерпел мучения за Христа, подчеркивается его принадлежность к военному сословию. С одной стороны, он «мученик непобежденный» [10, с. 113] (XV в.), «славный мученик Христов» [6, с. 144] (1597), «мученик превосходный» [12, с. 146] (1541); с другой, «ратник прославленный» [7, с. 165] (XV в.), «воин благородный» [9, с. 146] (XV в.), «победитель» [10, с. 113] (XV в.), «цвет воинства» [12, с. 147] (XV в.), «высокий кедр воинов» [Там же] (XV в.), «воин весьма непобежденный» [Там же] (1493). На этом фоне строка из гимна «Здравствуй, праздничный день...» (XV в.) понимается двояко: «Был он воин Христов...» [5, с. 188].

В это время возникает так называемая куртуазная литература, и отражающая взгляды рыцарства и, в свою очередь, формирующая их: это поэзия трубадуров [1, с. 59], рыцарские романы. Вероятно, уже тогда на св. Георгия смотрели как на совершенного рыцаря и покровителя всех истинных рыцарей. В рыцарском кодексе поведения понятие чести занимает главное место [Там же, с. 321]. В одной из молитв, относящихся к X–XI вв., св. Георгий называется «звезда чести» [19].

Другой отличительной чертой куртуазной литературы было служение прекрасной даме, сопоставимое со служением рыцаря, вассала, своему господину [1, с. 59]. В творчестве Кретьена де Труа (ок. 1135 – ок. 1185), одного из самых знаменитых французских поэтов XII в., начинает складываться идеал рыцаря, поведение которого должно соответствовать требованиям кодекса куртуазной добродетели и боевой чести [Там же]. Согласно Кретьену де Труа, первым правилом, которому должен следовать рыцарь, является защита благородных дам и девиц, попавших в беду [3, с. 313]. В этих условиях «чудо о змие» становилось весьма актуальным, ибо в нем присутствовали и идеальный рыцарь, и благородная дама, и – дракон.

В западной традиции XIII в. «чудо о змие» настолько упрочивает свое положение, выделяясь среди прочих чудес св. Георгия, что оно включается в агиографический канон. Иаков Ворагинский (ок. 1228–1298) составляет «Житие св. Георгия» и включает его в «Золотую легенду» (1268 г.), пожалуй, наиболее читаемый сборник житий позднего Средневековья. Хотя, например, в византийской традиции, с которой генетически связана вся западноевропейская литература о святом, «чудо о змие» относится к его посмертным деяниям [2, с. 668–669], Иаков Ворагинский уверенно относит его к юности св. Георгия. Вторым крупным эпизодом жития у Иакова становится мученичество св. Георгия.

Согласно «Золотой легенде» [18, с. 393–394], царевна, получив благословение отца, пошла к озеру. Св. Георгий, проезжая там, увидел, что она плачет, и спросил, что случилось. Далее следует разговор в духе куртуазной литературы: «Добрый юноша, быстро садись на коня и спасайся бегством, чтобы не погибнуть вместе со мной». Ей Георгий [отвечает]: «Не бойся, сестра, но скажи мне, чего ты здесь ожидаешь на глазах у всего народа». И она [говорит]: «Как вижу, добрый юноша, у тебя благородное сердце, но почему ты желаешь погибнуть со мной? Убегай быстрее». Ей Георгий [отвечает]: «Я не уйду отсюда, пока ты мне не откроешь, в чем дело». Когда же она все о себе открыла, говорит Георгий: «Сестра, не бойся, ибо во Имя Христово я помогу тебе». И она: «Добрый рыцарь, не погибай со мной! Ибо достаточно, если я погибну одна. Ибо ты не сможешь меня освободить и со мной погибнешь» [18, с. 393]. Св. Георгий побеждает дракона, после чего «царь и все люди крестились» [Там же, с. 394], а всего «крестилось в этот день двадцать тысяч человек, исключая детей и женщин» [Там же]. Эти подробности оказались важны для песнопений на праздник св. Георгия.

Богослужбные песнопения, в которых упоминается «чудо о змие» – кратко или со всеми перечисленными выше подробностями, относятся к XIV–XVI вв., причем большая часть из них приходится на XV в. Так, в гимне святому, составленном в Южной Франции в XIV в., говорится: «Он дочь царя избавил/ От весьма свирепого дракона,/ Народ негодный стал достоин/ Воздать хвалы Всевышнему» [9, с. 146]. Здесь кратко называется само чудо и его результат – обращение «негодного народа» в истинную веру. Иногда гимнографы упоминают только само чудо: «Избавил дочь царя/ От драконьей утробы» [9, с. 145] (Южная Франция, XV в.). Акцент может смещаться на личность самого святого: «Он когда был юношей,/ Сражался, словно прославленный [воин]/ Против дракона отважно,/ Которого убил, по-

добно зрелому мужу» [Там же, с. 144] (г.Сион/Ситтен, Швейцария, XV в. на службе Ad Laudes) или на тот факт, что чудо произошло по воле Божией: «Ты дал, чтобы против дракона/ Смогла быть славная война/ И радость Рая./ Царь Христос, Соделатель всяческих» [Там же] (г.Сион/Ситтен, Швейцария, XV в. на службе Ad Vesperes et Nocturnes). Иногда подвиг святого становится способом объединения людей, которые единодушно славят его. Таковы две строфы из северофранцузского гимна св. Георгию: «Откроем уста,/ Для хвалы святому мученику,/ Который Силону от змея/ Освободил рыкающего./ Яд его прегадкий/ Для многих был отравой,/ Это животное жестокое/ Уничтожил Георгий» [8, с. 141] (Северная Франция, Дуэ, XV в.). В гимне св.Георгию, написанном в Южной Германии в 1438-1440 гг., подчеркивается аллегорическое значение «чуда о змие» в сопоставлении его с мученичеством святого. Так, за строкой «Кто дракона уничтожил» [16, с. 170] идет «И злых [людей] иссушил/ Средства [вредить] и козни» [Там же], а начало следующей строфы «Освободил дочь царя» [Там же имеет следующее продолжение: «И Деция не испугался/ угроз и [проявлений] власти» [Там же]. Победа над реальным драконом становится символом победы над людской злобой и коварством, а освобождение девушки предвещает освобождение от страха перед мучениями во имя Христово.

Наиболее близко эпизод, изложенный Иаковом Ворагинским, воспроизводится в секвенции, которая была написана в Равенне в 1585–1587 гг. Здесь и описание самого чуда: «Победитель воин за девушку/ Против дракона битву/ Сотворил и чудеса» [14, с. 137]; и события, за ним последовавшие, причем сначала читатель или слушатель видят конкретных людей, принявших новую веру: «Царь, удивляющийся чуду,/ Царица с народом/ И сама дочь/ Крестятся быстро» [Там же, 138], а затем людские толпы, последовавшие примеру царской семьи: «В один день целых/ Двадцать тысяч» [Там же].

Если в проанализированных выше гимнах и секвенциях «чудо о змие» является лишь одним из славных деяний святого, то в песнопении для крестного хода, сочиненном в Лондоне в 1413–1422 гг. (правление короля Генриха V), оно упомянуто одно и представляет собой смысловой центр всего текста. Песнопение написано во время третьего периода (1415–1429) Столетней войны (1337–1453) между англичанами и французами, когда английским войскам удалось захватить большую часть Нормандии, а английский король Генрих V был признан наследником французского короля Карла VI Безумного в обход законного наследника. Это было время военных и дипломатических побед англичан на Континенте. Отрывок, посвященный чуду, не отличается по содержанию от уже цитировавшихся текстов: «Дева спасена, огромный дракон смерти предан/ Помощью мученика весьма сильного и Бога./ Царь, царица, их дом из святой купели поднимаются./ И в Бога [веруют] также тысячи мужей» [13, с. 144]. Однако обрамление «чуда о змие» в этом случае уникально. Песнопение, за исключением описания «чуда о змие», представляет собой молитву к святому, который называется «боец англичан» [Там же], о помощи против французов, где есть такие строки: «Лукавство французов усыпи, блаженный Георгий./ Чтобы они не вредили англичанам или не желали вредить» [Там же]. «Чудо о змие» все целиком становится символом: как св. Георгий некогда убил огромного дракона, вредившего целой стране, так его призывают на помощь против французов, которые, подобно дракону, коварно вредят всем англичанам. Однако сам выбор чуда должен воодушевить поющих: гибель дракона предвещает поражение врагов Англии. На примере песнопений, посвященных св. Георгию, можно увидеть, как изменения в культуре вызывали изменения в литургической поэзии, при том что почитание святого не только не уменьшалось, но возрастало.

Литература

1. Кин М. Рыцарство. М., «Научный мир», 2000.
2. Православная Энциклопедия. М., 2005. Т.10.
3. Флори Ж. Повседневная жизнь рыцарей в средние века. М., «Молодая гвардия», 2006.
4. Щеглова Л.В., Саенко Н.Р. Образ благородного всадника: культурные модели. М., Издательство МГОУ, 2010.
5. *Analecta hymnica Medii Aevi. Die Hymnen des Thesaurus Hymnologicus H.A.Daniels. V.2. ed.C.Blume. Leipzig, 1909.*
6. *Analecta hymnica Medii Aevi. Liturgische hymnen des Mittelalters. V.4. ed.G.M.Dreves. Leipzig, 1888.*
7. *Analecta hymnica Medii Aevi. V.9. ed.G.M.Dreves. Leipzig, 1890.*
8. *Analecta hymnica Medii Aevi. Liturgische Hymnen des Mittelalters. V.11. ed.G.M.Dreves. Leipzig, 1891.*

9. *Analecta hymnica Medii Aevi*. V.19. ed.G.M.Dreves. Leipzig, 1895.
10. *Analecta hymnica Medii Aevi*. Liturgische hymnen des Mittelalters. V.22. ed.G.M.Dreves. Leipzig, 1895.
11. *Analecta hymnica Medii Aevi*. Liturgische Prosen des Mittelalters. V.37. ed.C.Blume. Leipzig, 1901.
12. *Analecta hymnica Medii Aevi*. Liturgische Prosen des Mittelalters. V.39. ed.C.Blume. Leipzig, 1902.
13. *Analecta hymnica Medii Aevi*. Liturgische Hymnen des Mittelalters. V.43. ed.G.M.Dreves. Leipzig, 1903.
14. *Analecta hymnica Medii Aevi*. Liturgische Prosen des Mittelalters. V.44. ed.C.Blume. Leipzig, 1904.
15. *Analecta hymnica Medii Aevi*. Die Hymnen des Thesaurus Hymnologicus H.A.Daniels. V.51. ed.C.Blume. Leipzig, 1908.
16. *Analecta hymnica Medii Aevi*. Liturgische Prosen zweiter Epoche. V.55. ed.C.Blume. Leipzig, 1922.
17. Bieler L. *The Celtic Hagiographer*//*Studia Patristica* 5 (1962).
18. Iacopo da Varazze. *Legenda aurea*. Edizione critica a cura di G.P.Maggioni. 2 ed. Firenze, SISMEL – Edizioni del Galluzzo, 1998.
19. Migne, J.-P. *Patrologiae Latinae Cursus Completus (PL)*. — On CD-Rom. — Chadwick-Healy, 1993-1995.
20. Ward B. *The Venerable Bede*.L., 1990.

***Saint George in the Latin hymn creation of the X-XVI centuries
(from aretology to hagiobiography)***

There is considered the image of Saint George in the mediaeval Latin hymn creation and the peculiarities of its description in the VII-X and XI-XV centuries.

Key words: *hymn creation, being, Saint George.*